

Для цитирования: Богданова, В. О.
Нарративные практики как способ
развития субъектности /
В. О. Богданова // Социум и власть. —
2024. — № 3 (101). — С. 24-44. —
DOI 10.22394/1996-0522-2024-3-24-44. —
EDN NUXERV.

УДК 316.77

EDN NUXERV

DOI 10.22394/1996-0522-2024-3-24-44

НАРРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ¹

Богданова Вероника Олеговна^{1, 2},

¹ Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии
и культурологии,

² Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет),
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
ORCID 0000-0002-6342-8050
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

Введение. В зарубежных и отечественных исследованиях присутствует устойчивый научный и практический интерес к изучению субъектности, однако недостаточно представлены методы и приёмы, способствующие ее развитию на ценностно-смысловом уровне. В рамках данного исследования рассмотрены нарративные практики, которые являются эффективными способами развития субъектности. Нарративные практики направлены на осмысление прошлого опыта, развитие способности к целеполаганию и создания положительного настроя на будущее.

Цель. Раскрытие потенциала использования нарративных практик для развития субъектности.

Методы. В исследовании применяется сравнительный анализ философской и психолого-педагогической литературы,

обобщение и систематизация результатов отечественных и зарубежных исследований.

Новизна исследования. В работе расширено представление о нарративных практиках. Показано разнонаправленное влияние нарративных практик на развитие субъектности человека.

Результаты. Под субъектностью понимают свойство субъекта быть агентом действия. Субъектность служит условием самореализации личности, определения траектории развития, планирования жизнедеятельности в соответствии с выбранной системой ценностей. Развитие субъектности возможно через применение нарративных практик. Под нарративными практиками понимаются антропоцентрические подходы, представляющие собой совокупность приемов, направленных на осмысление и интерпретацию структуры, содержания и смысла жизненных историй.

Выводы. Нарративные практики оказывают положительное влияние на развитие субъектности, поскольку формируют осознанное и деятельностное отношение человека к миру и самому себе. В качестве нарративных практик могут выступать дневниковые записи, автобиографии, повествования с элементами исповеди, метод деконструкции доминирующих дискурсов. Они позволяют организовать жизненный опыт, определить систему ценностей, ставить цели, подбирать способы их осуществления, чувствовать себя автором собственной жизни.

Ключевые слова:

субъектность,
нарратив,
нарративные практики,
рефлексия,
свобода,
ответственность

Поступила: 13.04.2024

Принята: 08.08.2024

Дата печати: 30.09.2024

Права: © Богданова В. О. (2024).

*Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855, ; Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855, <https://rscf.ru/project/23-28-00855/>

на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

Исследование субъектности является одной из центральных проблем современной философии, педагогики и психологии, поскольку она является необходимым условием формирования самостоятельной и инициативной личности, способной преобразовывать себя и социокультурную действительность. Под субъектностью понимается определённый набор качеств человека, характеризующий сферу его деятельностных способностей, таких как активность, самостоятельность, самодетерминация и самосовершенствование [22]. С.Л. Рубинштейн рассматривает субъектность как качество индивида, проявляющееся в общении и деятельности, позволяющее осуществлять преобразовательное, активное и творческое отношение к себе и к миру [1, с. 28]. Субъектность проявляется как способность человека быть агентом (субъектом) действия [24]. В работе А.В. Брушлинского субъектность определяется как системное качество личности, позволяющее самостоятельно организовывать свой жизненный путь [8, с. 324]. Субъектность предполагает осознанное целеполагание, умение выбирать условия необходимые для выполнения намеченных целей и задач. Именно она позволяет индивиду определять собственную траекторию развития, планировать жизнедеятельность в соответствии с выбранной системой ценностей.

В концепции Е. Н. Волковой исследуется структура субъектности личности, которую составляют взаимосвязанные компоненты: осознанная активность, способность к рефлексии, свобода выбора и ответственность за него, осознание и принятие собственной уникальности, понимание и принятие другого человека, саморазвитие. Большое внимание Е. Н. Волкова уделяет осознанной активности. Она составляет основу субъектности и представляет собой вид активности, направленный на достиже-

ние целей в значимой деятельности, взаимодействии субъектов, развитии собственного «Я» [11, с. 53]. В. Э. Чудновский, А. Г. Асмолов, П. Д. Рабинович, К. Е. Заведенский рассматривают в качестве источника осознанной активности смысловые структуры личности, благодаря которым она совершает выбор, управляет своей деятельностью и осознано прокладывает свой жизненный путь [2, с. 173]. Высшей формой субъектности является личностный смысл, выполняющий регулирующую функцию, определяющий мировоззрение, ценностные ориентации, жизненную позицию личности по отношению к миру, другим людям и к самому себе.

В современных научных исследованиях большое внимание уделяется концепциям, в которых субъектность рассматривается с эволюционной точки зрения. Западные исследователи считают, что субъектность человека — это результат эволюции и истоки субъектности следует искать в животном мире. Так бельгийский философ В. Деспре отмечает, что субъектность характерна не только для людей, но и для животных, поскольку они имеют свой уникальный опыт переживаний [46]. Х. Глок в качестве важных аспектов субъектности рассматривает целеполагание и направленность на достижение полезного результата, которые присутствуют и у животных. Однако у автора вызывает сомнение, что у животных есть самосознание, что они способны к пониманию своих переживаний, осознанию мотивов своего поведения [47]. В исследовании Дж. Каучмана выделяется два аспекта субъектности: самосознание и саморегуляция. Если наличие первого аспекта у животных можно поставить под сомнение, то второй аспект воспринимается исследователем как очевидный. Он считает, что животные способны к целенаправленным действиям и прогнозированию их конечного результата [44]. Однако по мнению Б. Картера и Н. Чарльза животные в отличие от человека не ставят перед собой социальные цели [42]. Представляет научный интерес работа

О. В. Брянцевой, И.И. Брянцева, в которой ставится проблема наделения искусственного интеллекта признаками субъектности. Искусственный интеллект становится неотъемлемой частью системы общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности человека, актуализируется потребность создания машин, построенных в соответствии с интересами, потребностями и ожиданиями человека [9, с. 37]. Например, в современных разработках можно обнаружить стремление ученых запрограммировать нейросеть так, чтобы она отвечала представлениям человека о субъектности. Сейчас нейросети способны выстраивать диалог с человеком, создавать нарративы, соблюдать заложенные этические нормы и правила.

В работах А. Г. Асмолова, Е. Д. Шехтера, А. М. Черноризова, Г. Л. Тульчинского субъектность выступает как главный фактор преадаптации человека. Неопределенность является онтологической характеристикой реальности, при встрече с ней живая система осуществляет переход от «схематизмов» мышления и поведения, основанных на прошлом опыте, к инновационному режиму конструирования иных способов взаимодействия с реальностью, которые возможно будут иметь приспособительную ценность в будущем. Этот процесс отражает суть преадаптации, которая существенно отличается от адаптации. Если адаптации отвечают требованиям сложившейся среды, то преадаптация не направлена на приспособление к настоящему и ее результаты проявляются только в будущем. Если адаптация представляет собой приспособление, основанное на уже приобретенном опыте, то преадаптация нацелена на новизну и непредсказуемость будущего. Если адаптация связана с постепенной трансформацией системы при сохранении прежнего уровня организации, преадаптация приводит к скачкообразной качественной реорганизации системы [3, с. 14]. Таким образом, преадаптация представляет собой предварительное приспособление, которое

бесполезно в условиях настоящего, но именно это стимулирует активность живой системы к поискам своих новых выигрышных проявлений и стратегий [3, с. 10]. Преадаптация к неопределенности выступает условием для развития субъектности, поскольку она обеспечивает самоорганизацию и саморазвитие системы при непредвиденных изменениях условий существования [3, с. 17]. Г. Л. Тульчинский раскрывает процесс прокреативной преадаптивности через анализ социально-культурных практик. Прокреативная преадаптивность рассматривается как способность индивидов и социумов к освоению, дополнению и изменению различных моделей культурного опыта, что обеспечивает их успешное развитие в меняющихся социокультурных условиях. Субъектность рассматривается как основной источник прокреативной преадаптации, поскольку она позволяет наращивать разнообразие индивидуального и социального опытов и расширять их границы, что обеспечивает развитие человеческой цивилизации [33, с. 70].

В современных исследованиях большое внимание уделяется изучению влияния цифровых технологий на развитие субъектности. Г. Л. Тульчинский отмечает, что интенсивная цифровизация превращает культуру в машину социализации, которая функционирует на основе программирования и внедрения социального опыта в сознание субъектов. Цифровые технологии создают широкие возможности для конструирования личностной и социальной идентичности, однако подобная игра с идентичностью оборачивается расщеплением «Я». Г.Л. Тульчинский считает, что происходит тотальное растворение «Я» в цифровой идентичности, которая выступает в качестве нового способа идентификации субъекта, фиксирующего некую категориальную принадлежность и инвентаризацию его внутреннего мира [33, с. 71–72]. Субъективный опыт человека переводится в доступную и упрощенную форму для коммуникации пользователей сети. Цифровая идентичность

не обладают уникальностью, она создается из доступного визуального и текстового материала социальной сети, в этом трудно разглядеть проявление субъектности [5, с. 10].

С другой стороны, в условиях цифровизации обостряется понимание ценности субъектности, которая является источником развития как отдельного человека, так и всего человеческого общества. Г.Л. Тульчинский отмечает, что в информационном обществе обретают ценность навыки прокреации и преадаптивности, а именно критическое мышление, способность выявления проблем, принятия решений и их реализация, эмоциональный интеллект, активная коммуникация, гибкость мышления, способность понимать и принимать других людей [33, с. 72]. Следует отметить, что сама цифровая среда может расширять диапазон возможностей для самореализации человека и проявления его субъектности. Информационные-коммуникативные технологии могут служить эффективным инструментом для познания мира, самообразования, профессиональной и творческой самореализации личности. Цифровая среда способна сформировать у человека детерминанты поведения, связанные с проявлением субъектной позиции: автономность, независимость, стремление к самореализации на основе собственных интересов и ценностей [30, с. 166–167].

Проблема субъектности приобретает особое значение в современных социокультурных условиях, которые требуют от человека активной жизненной позиции, способности к самоопределению в противоречивом в ценностном отношении мире. Большое количество научных работ посвящено развитию субъектности в учебной и профессиональной деятельности (И. В. Сыромятников, А. Д. Кариев, Т. Б. Байназарова, Б. Т. Абыканова, Р. М. Гаранина и др.). В данных исследованиях описываются методы и приемы, позволяющие субъекту стать активным участником образовательного процесса и профессиональной деятельности, повысить

мотивацию, развить способность порождать смыслы, вносить коррективы в собственные познавательные и профессиональные действия, ставить в процессе познания и освоения профессии цели и задачи, определять пути их реализации [12; 18; 31]. Однако в научно-исследовательской литературе недостаточно освещены методы и приемы, способствующие развитию субъектности на более глубоком ценностно-смысловом уровне, что обуславливает актуальность данного исследования.

Одним из способов развития субъектности является применение нарративных практик, которые помогают не только осмыслить жизненную историю, но и развить способность субъекта к целеполаганию, определить систему ценностей, создать положительный настрой на будущее. В нашем исследовании нарративные практики трактуются широко как антропоцентрические подходы, представляющие собой совокупность приемов, направленных на осмысление и интерпретацию структуры, содержания и смысла жизненных историй. В ходе осуществления данных практик могут создаваться новые способы истолкования жизненной истории для поддержания психического здоровья и благополучия субъекта. В качестве нарративных практик могут выступать: дневниковые записи, автобиографии, повествования с элементами исповеди, метод деконструкции доминирующих дискурсов (нарративов) и многое другое.

Целью данного исследования является раскрытие потенциала использования нарративных практик для развития субъектности. Данная цель реализуется путем решения следующих задач:

1. Изучить проблему исследования нарративов в научной литературе.
2. Рассмотреть некоторые примеры нарративных практик.
3. Определить спектр влияния нарративных практик на развитие субъектности.

В исследовании применяются методы сравнительного анализа, обобще-

ния и систематизации философской и психолого-педагогической литературы. Методологической основой исследования выступают нарративный, конструктивистский, герменевтический подходы, которые позволяют раскрыть суть нарративных практик.

Проблема исследования нарративов в научной литературе

Нарратив является предметом изучения многих гуманитарных наук, поскольку повествование представляет собой универсальный способ выражения культурного опыта, который используется с самого начала развития человеческой истории [4, с. 400]. В современных исследованиях наблюдается высокая степень разработанности нарративной проблематики, однако само понятие нарратива может использоваться в разных значениях. Термин «нарратив» происходит от латинского слова *narrare* — рассказывать, повествовать. Первоначально это слово использовалось в значении рассказывания истории. Однако нарратив отличается от рассказа. Данное отличие показывает американский философ и искусствовед А. Данто. Рассказ представляет собой способ передачи точной информации, а нарратив является «объясняющим рассказом» [45, с. 19]. Основная функция рассказа — донести до слушателя информацию, тогда как в нарративе ставится цель — произвести впечатление или убедить в чем-либо. В нарративе истории проживаются, поэтому речь нарратора имеет большую эмоциональную окраску. В повествовании события не кажутся простой последовательностью, они структурированы таким образом, чтобы отвечать мировоззренческим представлениям, идеалами и ценностям нарратора.

В литературоведении и лингвистике термин нарратив пришел из историографии благодаря концепции «нарративной истории» А. Тойнби [54]. В истории нарратив представляет собой теоретическую структурированную интерпретацию исторических событий в

процессе повествования. С одной стороны, образ прошлого опосредован мировоззрением историка. С другой стороны, в повествовании наблюдается чувствительность субъекта к историческим деталям [32, с. 47].

В 1960-е гг. во Франции возникает нарратология — «наука о рассказе», которая стремилась открыть общие структуры всевозможных нарративов. Болгарский философ Ц. Тодоров рассматривает нарратив в качестве структуралистского термина. В работе «Грамматика Декамерона» он описывает нарратив как рассказ о серии событий, которые анализируются независимо от их исходной среды [53, с. 21]. В структуралистской нарратологии нарратив представляет собой систему инвариантных форм и правил, применяемых в конкретных культурных контекстах. Главная задача структуралистской нарратологии заключается в определении «глубинных структур» повествования. Структуралисты описывают нарратив в качестве нарративных сообщений, которые передаются через «опознаваемые элементы и комбинаторные принципы общей семиотической системы» [26]. Изучение нарративных структур приводит к раскрытию заложенных автором смыслов. Сама структура с точки зрения структуралистской нарратологии имеет универсальный характер, поскольку каждый раз воспроизводится в культуре в контексте новых историй.

Дальнейшее развитие представлений о нарративе шло по пути отказа от структуралистских установок. М. Баль создает постструктуралистский проект, в котором инвариантные формы уступают место разнообразным культурным контекстам, привносящим в нарративные высказывания неоднозначные смыслы [38]. Данная идея находит продолжение в постмодернизме. Р. Барт определяет нарратив как способ бытия «сообщающего» текста. Французский философ считает, что нарратив обладает самодостаточностью и самооценностью. Процессуальность повествования осуществляется ради самого рассказа, нарратор не ставит перед собой цель

описать или повлиять на действительность [4]. В постмодернизме нарратив не имеет исходного объективно наличного смысла, он конструируется лишь в процессуальности рассказа. Из-за невозможности обнаружить центральный элемент текста ставится под сомнение логоцентризм. Снимается запрет на ассоциативность, поскольку в процессе наррации возникает связь между отдельными предметами, явлениями, фактами, отражёнными в сознании человека. Ассоциативность может создавать разветвления повествования, уводить от реальности, погружать в феноменологический опыт нарратора.

Согласно Ф. Джеймисону в процессе наррации создается реальность и постулируется ее относительность. Созданная действительность не является презентацией некой находящейся вне нарративности реальности. Таким образом, в повествовательной стратегии постмодернизма присутствует радикальный отказ от реализма. В нарративных практиках реализуется подлинная свобода, суть которой заключается в их плюрализме. В процессе чтения нарратив автора снимается нарративом читателя, который подвергает текст деконструкции, по-новому расставляет акценты и раскрывает смысл повествования [15, с. 118].

В герменевтике П. Рикёра структуралистское понимание нарратива также подвергается критике. Философ пишет, что, когда структуралисты описывают нарратив в качестве неподвижной и неживой системы знаков, он теряет присутствие ему черты временности и связи с человеческим опытом.

Согласно взглядам французского философа, нарратив должен иметь связь с живым опытом человека, поэтому он является подвижным и временным образованием. С одной стороны, нарратив представляет собой «упорядочивание неких фактов в единую смысловую конфигурацию, сюжет». С другой — он является «подражанием реальным событиям» [27, с. 45]. Подражание событиям реальности и соединение их в единый сюжет составляет его дискурс.

При создании истории человеческий опыт трансформируется в процессе прохождения трех стадий: префигуративной (мимесис-I), конфигуративной (мимесис-II) и рефигуративной (мимесис-III). На первой стадии события логически не связаны друг с другом. Автор только предполагает, как они могут быть представлены в нарративе. На второй стадии создается сюжет, согласно которому события собираются вместе и подчиняются замыслу повествования. Следует отметить, что события опыта сами по себе не имеют никакой логики, сам нарратив ее создает. Отсюда следует, что события истории не повторяют реальность. Нарративным событиям придается новый онтологический статус в соответствии с логикой сюжета. На третьей стадии происходит воспроизведение нарратива слушателем или читателем [28, с. 34–36].

Большое значение П. Рикёр уделяет применению нарратива для формирования идентичности. Он описывает четыре сферы человеческих способностей. Первая сфера — это способность говорить, вступать в общение с другими людьми с помощью языка. Вторая сфера способностей проявляется в умении субъекта вмешиваться в ход вещей посредством действий и усилий. Третья сфера — способность рассказывать о своей жизни, формировать собственную идентичность посредством повествования, основываясь на своих воспоминаниях. Четвертая сфера способности заключается в раскрытии субъектности, проявлении себя в качестве автора собственных действий и поступков [27, с. 15–16].

На данных сферах человеческих способностей строится нарративная психотерапия Майкла Уайта и Дэвида Эпстона. Основная идея нарративной психотерапии заключается в том, что человек является автором не только собственной жизни, но и истории о ней. Нарратив — это способ организации памяти, структурирующий опыт человека. Проживаемое время описывается в форме нарратива, в котором личная информация переплетается с

более широким контекстом жизненного опыта [7]. В основе нарративной психотерапии лежит история жизни, которая охватывает значимые для субъекта события. Данные события объединены одной темой или сюжетом. В нарративной психотерапии используются разные формы работы, ключевой является беседа. Работа предполагает смещение фокуса внимания клиента на единство представлений о себе, собственное отношение к нарративу, способность влиять на жизнь через изменение мировоззренческих установок.

Нарративный подход опирается на положения социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман, К. Джерджен). В создании жизненной истории большое влияние оказывает дискурс, поскольку любое знание, включая представления о собственном существовании, создается и поддерживается за счёт социальных интеракций [16, с. 55]. По мнению Дж. Брунера развитие личности, в первую очередь зависит от того, какие нарративы окружают человека в течение всей его жизни. Имеются в виду истории о различных событиях жизни, которые рассказывают о человеке другие люди. У индивида складывается представление о себе и своей жизни через субъективное видение различных людей. Исходя из этой особенности самовосприятия Дж. Брунер выделяет два модуса сознания: нарративный (модус самоосмысления) и парадигматический. Первый отражает жизненный контекст и уникальный индивидуальный опыт. Второй является общечеловеческим модусом, поскольку он представляет собой форму нарратива, выработанную в ходе культурного развития человечества и приспособленную к межличностному общению [7].

Нарративы сыграли большую роль в развитии человека, поскольку они привели к усложнению его когнитивных способностей. Данный аспект исследования нарративов раскрывается в работах Ю.Н. Харрари и А. Дамасио. В книге «Sapiens. Краткая история человечества» Ю.Н. Харари исследует вопрос о том, каким образом человек смог выделиться

среди других биологических видов и занять доминирующее положение на планете. Среди факторов, способствующих этому, исследователь рассматривает большой размер мозга, прямохождение, орудийную деятельность, высокую способность к обучению, сложный социальный образ жизни, умение пользоваться огнем и язык [35, с. 27]. Ключевую роль в антропогенезе человека по мнению Ю.Н. Харари играет язык человека, который в отличие от языка животных дает возможность создавать нереальные истории и обсуждать вымыслы. На вымыслах строятся мифы — первые символические нарративы. Мифы помогали развивать способность человека к мышлению и нарративной коммуникации, приводили к объединению и сотрудничеству людей. Ю.Н. Харари пишет, что любое широкомасштабное человеческое сотрудничество вырастает из общих мифов, которые существуют исключительно в воображении людей [35, с. 36]. Таким образом, мифы легли в основу духовных сфер общественной жизни и социальных институтов, поэтому автор раскрывает религию, философию, науку, экономику, политику как нарративы, в которые люди верят и передают друг другу. На базе этих нарративов люди прогнозируют события, строят жизненные планы, создают новые вымышленные реалии [35, с. 207–208]. Мир культуры для Харари — это мир интерсубъективных сущностей, существующих благодаря человеческой вере. Вера в существование интерсубъективных сущностей усиливается за счет постоянного воспроизводства воображаемых историй [41, с. 48]. Таким образом, все, что воображали люди на протяжении многих веков, наличествует «лишь внутри тех историй, которые люди придумывают и рассказывают друг другу» [35, с. 26]. Однако, эти плоды человеческого вымысла, представляющие собой социальные конструкции, полезны и значимы, поскольку они дают возможность для объединения, сотрудничества, а значит и выживания биологического вида *Homo sapiens*.

Г. Л. Тульчинский, опираясь на взгляды Ю. Н. Харари, отмечает, что нарративная коммуникация также является ключом к пониманию природы формирования самосознания. Рефлексивный рассказ о себе позволяет человеку выйти из жизненного потока, посмотреть на себя с позиции наблюдателя. Самосознание в сочетании с активной деятельностью и осознанием собственной ответственности за каждое своё действие или бездействие рождает субъектность, которую Г.Л. Тульчинский называет ответственным самосознанием самости [33, с. 66].

В работе «Мозг и возникновение сознания» А. Дамасио выделяет несколько уровней развития сознания. Первый уровень — это протосознание или протосамость (*proto self*). Протосамость — это базовый уровень сознания, который характерен для многих видов организмов. На этом уровне организм взаимодействует с окружающей средой через мозг и тело. Сознание возникает из постоянных взаимодействий между нейронами и физиологическими процессами. Протосамость представляет собой «согласованный набор нейронных паттернов, которые отображают состояние физической структуры организма». Работа протосамости осуществляется на бессознательном уровне, в результате ее функционирования создается «карта» физиологических состояний тела, которая в последствии используется мозгом для генерации сознательного опыта. Эта «карта» постоянно обновляется при поступлении сигналов от тела к головному мозгу. Протосамость создает базис для возникновения эмоций и развития более сложных форм сознания.

Второй уровень развития — основное сознание [13, с. 181], которое появляется, когда организм начинает осознавать свои чувства и мысли, связанные с изменениями в его внутреннем состоянии. На этом этапе устанавливается взаимосвязь между организмом и наблюдаемыми объектами, формируются последовательные образы, отражающие объекты реальности. Мозг живого существа непрерывно

создает образы, представляющие собой переживание квалиа.

Третий уровень развития сознания А. Дамасио называет расширенное сознание. Расширенное сознание возникает, когда сознание выходит за пределы настоящего момента и начинает учитывать прошлый опыт и создавать проекцию будущего. Сознание использует память и лингвистические способности для анализа и обработки информации [13, с. 183].

В своей теории Дамасио, часто называет расширенное сознание автобиографическим «я» или автобиографической самостью. Автобиографическое «я» развивается постепенно и опирается на память о прошлых событиях, что позволяет человеку рефлексировать и рассказывать о своём индивидуальном опыте, планировать своё будущее [13, с. 185]. Создание автобиографического нарратива становится основным социально-когнитивным механизмом психической деятельности индивида по конструированию своего самосознания и своей субъектности. Этот механизм имеет природные корни, он позволяет человеку адаптироваться к среде на основе анализа прошлого опыта, и в тоже время способствует преобразованию условий собственного существования посредством осознания своих притязаний, составления и реализации планов на будущее.

Немецкий философ Д. Хенрих отмечает, что человек осваивает нарратив от первого лица уже к третьему году жизни. Он рассказывает о себе, о своих прошлых и будущих действиях. В таких рассказах формируется и развивается память и самосознание человека. В повествовании человек предстает как автор романа собственной жизни, который может посредством памяти возвращаться к первым главам для их осмысления или переписывания [36, с. 55]. Об этой особенности человеческого сознания к переписыванию своей жизненной истории говорит американский философ и когнитивист Д. Деннет. Философ описывает человека как «болтливое существо», расска-

зывающее и заново пересказывающее самому себе историю собственной жизни. В процессе повествования человек интерпретирует свое прошлое с позиций настоящего, по-новому расставляет акценты, поэтому события прошлого наполняются иным смыслом и иногда обогащаются придуманным содержанием. В процессе повествования своей жизненной истории человек не ставит перед собой вопрос об ее истинности и нередко воспринимает воображаемое как реальность [14, с. 126–127]. Наррация рассматривается философом как процесс конструирования самости человека. Философ отказывается от классического понимания самости в качестве центральной сущности. Самость представляет собой множество набросков жизненных историй, нарративов, которые постоянно редактируются и пересматриваются. Д. Деннет описывает самость как центр нарративной гравитации, который перемещается в зависимости от изменения положения. Этот центр способен связывает любые факты жизни в любом темпоральном соотношении исходя из актуального для человека смысла [14, с. 129].

Следует отметить, что идея конструирования «Я» в процессе повествования получает эмпирическое подтверждение в работе Дж. Бикла. Нейробиолог доказал, что во время молчаливой внутренней речи активизируются области, связанные с языковым производством, и с пониманием, то есть повествование является эффективным инструментом для самопонимания и участвует в формировании представлений о «Я» [39].

Процесс конструирования «Я» является предметом исследования американский физика и информатика Д. Хофштадтера. В своей работе «Я — странная петля» ученый описывает «Я», прибегая к образу странной петли. Наглядным примером странной петли являются «заикленная» графика Эшера с переходами от плоскости к объёмному изображению и наоборот. «Я» как странная петля возникает в результате замыкания внутри себя самореферентных структур, существующих

в символической реальности языковых абстракций. По мере движения внутри этой петли происходит переход от одного уровня абстракции к другому, что ощущается как восходящее движение в иерархии, но парадоксальным образом последовательные восходящие сдвиги приводят к возникновению замкнутого цикла [37]. Процесс конструирования «Я» является самореферентным процессом, который осуществляется посредством нарратива — описания «Я» самого себя. Хофштадтер называет человека «непредсказуемой поэмой», пишущей саму себя. Каждое самописание может образовывать сложные причинно-следственные связи с предыдущими и последующими самоописаниями, образуя замысловатые напластования нитей странной петли. Д. Хофштадтер отмечает, что структура странной петли «Я» имеет сходные участки. Это объясняется тем, что повторяющиеся события жизни приводят к созданию фрактальных нарративов, сюжеты которых относятся к разным временным локусам, но имеют одинаковое содержание. Фрактальные нарративы закрепляют внутренние паттерны личности, они придают устойчивость «Я», не позволяют считать самость человека иллюзией. Однако несмотря на повторения паттернов нельзя упускать из вида нестабильность «я», оно способно к флуктуациям, обогащению и перестройкам [37].

Таким образом, в современных когнитивных исследованиях большое внимание уделяется изучению влияния нарративов на появление и развитие сознания, самосознания и «Я» человека в онтогенезе и филогенезе. Процесс самосознания напрямую связан с субъектностью личности. Субъектность предполагает активное и осознанное участие человека в своей жизни. Самосознание помогает человеку лучше понять свои мотивы, ценности и убеждения, что позволяет действовать в мире осознанно и ответственно.

В данной работе мы будем опираться на представление о нарративе, характерное для нарративной психоте-

рапии, поскольку она уделяет большое внимание проявлению субъектного начала в процессе повествования. Нарратив будет рассматриваться как своеобразная вербальная практика себя, в которой проявляется и раскрывается человеческое бытие. По мысли М. Фуко практики себя представляют собой некоторые процедуры, посредством которых человек преобразовывает самого себя, изменяется в своем уникальном бытии, превращает свою жизнь в собственное произведение [34]. В нарративе рассказчик выступает субъектом, причиной и основанием действия. При помощи нарратива у субъекта развивается способность осознавать свое участие не только в бытии, но и в преобразовании смысловой реальности, поскольку через повествование человек становится более чувствительным к временному модусу существования. С помощью нарратива субъект связывает события жизни в единое целое, создает новые смыслы, изменяет отношение к прошлому, расширяет горизонт возможностей в настоящем. В повествовании не только описываются способы существования человека, но и осмысливаются возможности их изменения, создается набросок траектории жизни. Посредством повествования человек выходит за пределы самого себя, навстречу бытию, открывается новому, вступает в область неопределенности.

Нарративные практики

В качестве одной из форм нарративной практики можно рассматривать ведение личного дневника. Личный дневник представляет собой нарративный пополняемый текст, состоящий из фрагментарных записей, которые ведутся регулярно и чаще всего сопровождаются указанием даты [17, с. 232]. Личный дневник представляет собой хронику внешних или внутренних событий, которая описывается от первого лица.

Данная форма нарративной практики фрагментарна. Фрагментарность проявляется в бессистемной фиксации событий и впечатлений, отсутствии об-

щей идеи, которая бы связывала дневниковые записи. Дневниковые записи часто ведутся в условиях мировоззренческого кризиса, когда цельная и устойчивая картина мира субъекта ставится под сомнение, сам человек теряется в потоке непонятных ему событий реальности [40].

В дневниковых записях применяется авторефлексия, посредством которой субъект размышляет над своими собственными мыслями о реальности и представлениями о себе. В процессе создания дневниковых записей происходит вербализация потока жизни. При чтении дневника его автор занимает позицию наблюдателя, поскольку он уже эмоционально не вовлечен в события, которые в нем описываются. Он может перейти к рефлексии, способен осмыслить свои представления об истории жизни и сделать выводы.

Дневник как форма нарративной практики оказывает существенное влияние на развитие субъектности, поскольку, создавая личные записи, субъект обращает внимание на свой внутренний мир. Внимание личности к себе составляет основу осознанности и позволяет уравновесить личностные смыслы и ценности с внешними проявлениями активности.

Дневник помогает организовать субъективный опыт, приводит к выработке самодисциплины, которая важна для развития рефлексивного компонента субъектности. К.С. Пирогов называет дневник одной из форм генезиса рефлексии, потому каждый человек как духовное существо должен в той или иной форме вести дневник. Повседневность приводит человека в состояние самозабвения, дневниковая практика этому противостоит. Индивид дистанцируется от социума, устремляется вглубь себя, обретает «фундаментальную сознательную решимость, обращенную к сути бытия». [25, с. 37].

Ведение дневника формирует чувство ответственности, которое также является важным компонентом субъектности. В процессе описания событий в дневнике человек находится на

рефлексивном уровне. Он подвергает осмыслению совершенные поступки, находит причины допущенных ошибок, приходит к пониманию как следует их избегать в будущем. Через процесс написания дневника человек осознает себя источником актуального и перспективного качества собственной жизни.

А. К. Осницкий рассматривает саморегуляцию в качестве базовой формы существования субъектности [23, с. 43]. Она позволяет контролировать собственную активность и сохранять внутреннюю стабильность. Дневник может выступать в качестве инструмента эмоциональной саморегуляции позволяющий ослабить сильные душевные переживания человека. Так Ф. Кафка использовал дневник для смягчения душевных страданий, связанных с невозможностью писать из-за болезни и физической слабости. Записи помогли писателю справиться с чувством вины, унынием, тревогой, страхом перед будущим. Перечитывание дневника давало автору надежду, что он в очередной раз найдет в себе силы вести и записывать собственные наблюдения несмотря на болезнь [19, с. 86].

Следующий вид нарративной практики — это автобиография. Она представляет собой последовательное описание человеком событий собственной жизни. В отличие от дневника автобиография предполагает наличие ретроспективного осмысления жизни. Она описывается человеком с высоты прожитых лет. Память автобиографа не репродуктивна, а реконструктивна, поскольку субъект не способен точно воспроизвести события прошлого, он нередко «дописывает» или «переписывает» свою жизнь, то есть прибегает к вымыслу. Эта черта сближает автобиографию с основной техникой нарративной психотерапии, поскольку автобиография позволяет через повествование не только посмотреть на события жизни из своего настоящего, но и переписать жизненную историю и «перестроить» собственную личность [1, с. 13]. Человек, пишущий автобио-

графию, сознательно ранжирует свои воспоминания, расставляя в описании акценты на наиболее значимые события жизни. Автобиография нарушает линейную последовательность течения жизни, поскольку превращается в аксиологически мотивированный нарратив. Автор вносит ценностный порядок в материал памяти, определяет экзистенциальный «вес» каждого факта личной жизни, поэтому сюжет автобиографии не является слепком существования человека, так как он создается пунктами сгущения смыслового напряжения выбранных событий [1, с. 14].

Оценка событий прошлого осуществляется с позиции настоящего. Человек судит о ходе жизни, опираясь на смыслы важные для нынешнего существования. Он стремится различить в своем прошлом бессмысленное и подлинно ценное для настоящего и будущего [1, с. 15]. Отталкиваясь от этой мысли С.С. Аванесов предлагает автобиографию рассматривать не столько как литературный жанр, сколько как практику самосозидания. Эта практика позволяет переосмысливать события прошлого в контексте выбранного смысла, достигать и поддерживать актуальное динамическое единство с самим собой посредством ретроспективного анализа жизненного опыта [1, с. 14]. Поскольку автобиография темпоральна, она может выступать в качестве способа «приручения» времени. Под приручение времени понимается способность человека осознать ход времени и принять безвозвратность прошлого. Автобиография позволяет понять ценность прошлого и перевести его в статус вечного через повествование. Написанный текст, который возможно будет прочитан другим, позволяет вынести личную жизненную историю за границы временного существования [1, с. 18].

Автобиографическая традиция опирается на средневековый жанр исповеди, появившейся благодаря работе Августина Аврелия «Исповедь». С одной стороны данное произведение описывает внешние события жизни

Августина, начиная с младенчества, с другой стороны — является летописью внутренней человеческой жизни. Исповедь представляет собой историю души, пробудившейся от духовного забвения. Несмотря на обилие биографических данных, ее можно считать автобиографией лишь отчасти, поскольку многие временные отрезки жизни Августина выпадают из контекста повествования [10, с. 91].

Следует выделить три уровня повествования в исповеди, которые прослеживаются в любом тексте, содержащем автобиографические описания. Первый уровень — это рассказ о внешних событиях и совершенных поступках. Задача на этом уровне заключается в выявлении фактов жизни и установлении порядка в содержании памяти. Второй уровень — рефлексия автора относительно совершенных поступков. Августин пытается разобраться во внутренних мотивах своих действий и дает им этическую оценку. Третий уровень — интерпретация событий жизни в соответствии с выбранным смыслом [10, с. 93]. Общий смысл событий жизни видится Августином как приобщение души человека к Богу, реализация божественного замысла спасения, в виде благого вмешательства Отца небесного в дела человека.

Таким образом, на третьем уровне автор повествования устанавливает связь между фактами жизненной истории путем постановки цели жизни или определения своего предназначения. В этом случае автобиография приобретает фундаментальную телеологическую структуру и внутреннюю направленность. В рамках автобиографии отдельные события будут истолковываться в соответствии с общим смыслом жизни, будут оцениваться в зависимости от целесообразности и согласованности с внутренним предназначением [20, с. 14-15]. Однако не всегда факты жизненной истории можно подчинить одному общему смыслу. Нарративная структура автобиографии, которая пишется продолжительное время, может не отвечать исходному смыслу. Части автобиографии,

написанные в разное время, будут соответствовать идеалам и целям соответствующего временного отрезка, поэтому их толкование и оценка будет осуществляться автором по-разному [20, с. 17]. Эта идея находит выражение в рассуждениях М. Монтеня. Философ отмечает, что разум не обладает способностью объективно постигать порядок вещей в мире и не способен подчинять свою жизнь раз и навсегда установленному смыслу, поскольку природа человека не обладает постоянством. Таким образом, константный смысл нарративного построения автобиографии невозможен, «ибо не исключено, что мое Я уже завтра будет означать совершенно другого человека, изменившегося под влиянием нового опыта» [50].

Написание автобиографии, как и ведение дневника позволяет человеку осознать свой субъективный опыт взаимодействия с реальностью и выявить значимые ценности. Однако ведение дневника не всегда дает возможность определить вектор развития жизнедеятельности. Автобиография позволяет более полно охватить значимые аспекты жизни человека: его прошлый опыт, понимание настоящего и виденье будущего. Поэтому человеку, пишущему свою биографию, проще обнаружить смысл жизни, который определяет траекторию его дальнейшего развития. Данная функция автобиографии способствует развитию осознанности, которая выступает в качестве главной характеристики субъектности. Под осознанной активностью понимают специфически человеческий вид активности, направленный на определение смысла жизни и достижение целей в значимой деятельности, взаимодействие субъектов, развитие собственного «Я» [5, с. 13].

Значимым видом нарративной практики является метод деконструкции доминирующих нарративов. Доминирующие нарративы представляют собой часто повторяющиеся истории, содержащие в себе систему убеждений, установок и предписаний, которые уко-

ренены в сознании [52, с. 6]. Они определяют отношение субъекта к самому себе, своему существованию, к другим людям.

Человек обычно бессознательно включает доминирующие нарративы в свой внутренний мир, делая их частью личной жизненной истории, иногда в ущерб объективному восприятию реальности и своему психологическому благополучию. Доминирующие нарративы могут ограничивать возможности людей, которые хотели бы что-то изменить в своей жизни. Из-за них альтернативные способы построения жизненной истории часто остаются незамеченными. Так К. Кот-Буше, Т. Дейли, С. Чиверс, С. Брэдли, Ш. Хиллиер в своей работе описывают негативные доминирующие нарративы, характерные для многих пожилых людей, которые воспринимают старость как упадок. Исследователи отмечают, что формирование этих нарративов обусловлено не столько возрастным ухудшением здоровья, сколько дискурсами старости, распространенными в медиа среде. Транслируемые взгляды на старение показывают хрупкость жизни, разрушительное воздействие времени и вызывают у пожилых людей уныние. Подобные нарративы являются опасными, поскольку приводят к личностной стагнации и депрессии. Для их преодоления необходимо использовать опыт пожилых людей, выходящий за рамки типичных представлений о старости. Альтернативным нарративом будет рассказанная история, в которой жизнь пожилого человека рассматривается не с позиции прошлого, а как постоянно развивающаяся, поскольку жизненная история не должна исключать представления о возможном будущем. Распространение в цифровой среде нарративов пожилых людей, планирующих будущее, не потерявших социальную активность, позволяет высветить альтернативные пути жизни, которые принесут радость, удовлетворение и смысл. Они помогут включить в представления о старении материал, который будет оживлять «эмоциональные

миры других людей» и поддерживать их жизнестойкость [43].

Необходимо изменять нарративы, отягощающие существования людей. Эффективным способом является метод деконструкции доминирующих историй. Под методом деконструкции доминирующих нарративов подразумевается эффективный инструмент психологической практики, позволяющий определять дезадаптивно или деструктивно влияющие на жизнь субъекта дискурсы, заменять их альтернативными нарративами, приводящими к положительному отношению к собственной личности и жизни.

Метод осуществляется в три этапа. Первый этап — это слушание. На этом этапе клиент рассказывает фрагмент жизненной истории, психотерапевт его внимательно слушает без конкретизации и усиления болезненных аспектов повествования. Во время рассказа клиента основная задача психотерапевта обнаружить пробелы и двусмысленность в понимании услышанной истории. Второй этап — деконструктивная постановка вопросов — начинается, когда между клиентом и психотерапевтом возникло доверие и взаимопонимание. Психолог начинает задавать вопросы, в которых присутствует больше элементов намеренного воздействия. Вопросы задаются для уточнения пропущенных деталей истории, выявления противоречивых элементов в содержании повествования, определения личностных проблем и пресуппозиций, мешающих их разрешению. На данном этапе клиент приходит к пониманию того, как создается его жизненная история. Нарратив уже воспринимается им не как пассивное отражение фактов собственного существования, а как активно сконструированная история жизни, в которой главным автором является он сам. Клиент осознает ограничения в старой истории и понимает возможность создания другого нарратива, который будет отвечать его предпочтениям. Третий этап — распаковка нарратива. Психотерапевт предлагает рассмотреть нарратив под другим

углом зрения с последующей оценкой самого процесса распаковки. Клиент вместе с психологом стараются обнаружить новые смыслы в содержании жизненной истории, которые позволяют модифицировать представления клиента о себе и своем существовании. На этом этапе психолог должен внимательно наблюдать за тем, какие новые смысловые конструкты создает клиент, переосмысливая факты своей жизни. Психолог просит клиента определить полезность созданных в процессе работы смысловых конструктов для настоящего и будущего.

При создании нового конструктивного нарратива можно использовать вспомогательное упражнение «Поиск уникальных эпизодов». Клиенту предлагается найти в его жизненной истории события, которые не вписываются в проблемный нарратив. Данные эпизоды могут стать основой для создания альтернативной истории.

При проработке проблем, описываемых в нарративе, часто используется вспомогательный метод экстернализации, который представляет собой стратегию, направленную на отделение от человека проблемы, как некоей внешней сущности, не тождественной личности. Данная лингвистическая практика помогает людям освободиться от восприятия проблемы как части собственной идентичности. Экстернализация позволяет занять рефлексивную и критическую позицию по отношению к проблеме. Создавая определенную дистанцию между собой и проблемой, человек может учесть ее влияние на жизнь, найти внутренние ресурсы для пересмотра своего отношения к ней и ее разрешения. Данная стратегия позволяет осознать субъекту свободу и ответственность, повысить степень участия в жизни [32, с. 46-47].

Заключение

Нарратив как повествовательная форма составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую

основу человека на пути к соглашению с условиями своего существования [6, с. 29]. Посредством него не только упорядочивается и осмысливается опыт, но преобразуется действительность через изменение отношения человека к данностям бытия. Можно сказать, что нарратив выступает в качестве определяющего методологического принципа, применяемого в разнообразных индивидуальных и социальных практиках, направленных на осмысление опыта людей [32, с. 42].

Существуют разные виды нарративных практик, которые по своей сути антропоцентричны. Данные практики всегда направлены на описание и организацию субъективного опыта, изменение мировоззрения и способа взаимодействия с окружающим миром. Нарративные практики оказывают положительное влияние на развитие субъектности, поскольку помогают сформировать осознанное и деятельностное отношение человека к миру и самому себе, иницируют его творческое начало, позволяя ему чувствовать себя автором своей жизни.

Нарративные практики положительно влияют на развитие субъектности, ведь данное развитие невозможно без самопознания и самоопределения в ценностно-смысловом отношении. Повествование позволяет субъекту проявить навыки рефлексии, посмотреть на себя со стороны, проанализировать произошедшие события, дать оценку своим чувствам, переживаниям и действиям [21, с. 402]. Посредством осмысления прошлого опыта у человека формируется ощущение целостности жизни, без которого невозможно понимание смысла существования. Само проявление субъектной позиции предполагает преобразование жизни в соответствии с выбранными целями и смыслами. Наличие целей и смыслов свидетельствуют об устремленности человека в будущее. Поскольку будущее неопределенно, в повествовании пережитый опыт смешивается с ожиданиями в виде фантазий [28, с. 195]. С одной стороны, повествование ретроспектив-

но, поскольку охватывает прошлое человека, с другой — в нем присутствуют проекты, предвосхищения и ожидания, в силу которых субъект повествования ориентируются на будущее.

В повествовании человек реализует заботу о себе, упорядочивает и осмысливает свой жизненный опыт, строит свой проект жизни [28, с. 197–198]. Таким образом, нарративные практики помогают субъекту осмыслить открывающиеся возможности и делают его более открытым миру.

По мнению Е. Н. Волковой, субъектность проявляется через осознанное и деятельностное отношение человека не только к миру, но и самому себе [11, с. 52]. Нарративные практики создают творческое пространство, в котором люди могут экспериментировать с представлениями о себе. Конструирование нарратива может одновременно выступать как акт самопрезентации и философская практика самосозидания. Нарративная практика может быть направлена на деконструкцию доминирующих дискурсов, которые затрудняют самопознание. Иногда в своем повествовании люди рассказывают «формульные истории», в которых создаются категориальные идентичности, связанные с общественным положением и социальными ролями [49, с. 663]. Формульные истории ограничивают свободу воображения, поскольку они стереотипны и стандартизированы. Прибегая к стереотипам, человек отходит от собственного опыта и формирует ложные представления о себе. В процессе наррации у человека появляется возможность отстоять свою субъектность, бросить вызов формульным историям, которые обезличивают его [51].

Нарративные практики позволяют осознать авторство истории жизни, свободу и ответственность в принятии решений. Нарратив не только позволяет организовать свой опыт, поставить цели и подобрать способы их осуществления, он также помогает контролировать эмоции и волю. Конструирование последовательных и позитивных жизненных историй благотворно влияет

на психическое и физическое здоровье человека, повышает жизнестойкость и уверенность в своем будущем [48].

1. Аванесов, С. С. Автобиография как философия себя / С. С. Аванесов // Человек.RU. — 2019. — № 14. — С. 12–23. — DOI 10.32691/2410-0935-2019-14-12-23. — EDN RYHISM.

2. Асмолов, А. Г. Антропологический поворот: культурные практики содействия развитию сложности человека / А. Г. Асмолов, П. Д. Рабинович, К. Е. Заведенский // Интеграция образования. — 2023. — Т. 27, № 4 (113). — С. 591–610. — DOI 10.15507/1991-9468.113.027.202304.591-610. — EDN PJDNGW.

3. Асмолов, А. Г. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции / А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов // Вопросы психологии. — 2017. — № 4. — С. 3–26. — EDN YMQFAE.

4. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. — М.: МГУ, 1987. — С. 387–422.

5. Богданова, В. О. Философское осмысление феномена «субъектность» / В. О. Богданова // Социум и власть. — 2023. — № 3 (97). — С. 7–17. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-07-17. — EDN BKKIVQ.

6. Брокмейер, И. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / И. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. — 2000. — № 3. — С. 29–42.

7. Брунер, Дж. Жизнь как нарратив / Дж. Брунер // Постнеклассическая психология. — 2005. — № 1 (2). — С. 9–29.

8. Брушлинский, А. В. Избранные психологические труды / А. В. Брушлинский. — М.: Когито-центр, 2022. — 623 с.

9. Брянцева, О. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта в системе общественных отношений / О. В. Брянцева, И. И. Брянцев // Вестник

Поволжского института управления. — 2023. — Т. 23, № 3. — С. 37–50. — DOI 10.22394/1682-2358-2023-3-37-50. — EDN BIVTDC.

10. Василенко, А. Н. Исповедь, повесть и автобиография — три столпа текста Августина Блаженного / А. Н. Василенко // Религиоведение. — 2011. — № 1. — С. 89–94. — EDN NDGDPT.

11. Волкова, Е. Н. Структура субъектности современного педагога / Е. Н. Волкова // Мир психологии. — 2023. — № 2 (113). — С. 52–60. — DOI 10.51944/20738528_2023_2_52. — EDN STTZYC.

12. Гаранина, Р. М. Комплексная реализация педагогических условий формирования субъектной позиции студента в пространстве самостоятельной работы / Р. М. Гаранина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2020. — Т. 9, № 2 (31). — С. 45–51. — DOI 10.26140/anip-2020-0902-0009. — EDN IINPQR.

13. Дамасио А. Я. Мозг и возникновение сознания / А. Я. Дамасио. — М. : Карьера Пресс, 2018. — 384 с.

14. Деннет, Д. С. Почему каждый из нас является новеллистом / Д. С. Деннет // Вопросы философии. — 2003. — № 2. — С. 121–130. — EDN ONWIST.

15. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. — 799 с.

16. Джерджен, К. Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии / К. Дж. Джерджен // Социальная психология. Саморефлексия маргинальности. — М. : ИНИОН РАН, 1995. — С. 51–73.

17. Жожикашвили, С. В. Дневник / С. В. Жожикашвили // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М. : Интелвак, 2003. — С. 232.

18. Кариев, А. Д. Развитие субъектности студентов с применением интерактивных образовательных технологий в вузе / А. Д. Кариев, Т. Б. Байназарова, Б. Т. Абыканова // PEM: Psychology. Educology. Medicine. — 2020. — № 4. — С. 104–118. — EDN ORLMJZ.

19. Кафка, Ф. Дневники / Ф. Кафка. — М. : Эксмо-Пресс, 2016. — 96 с.

20. Кемпер, Д. Принципы организации автобиографического повествования / Д. Кемпер // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2008. — № 9. — С. 11–22. — EDN KWKQCT.

21. Колышева, О. Н. Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») / О. Н. Колышева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11, № 2. — С. 398–411. — DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411. — EDN HMZLUR.

22. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.

23. Осницкий, А. К. Саморегуляции в разных видах активности человека / А. К. Осницкий // Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования : материалы науч. конф., Москва, 27–28 апреля 2021 года. — М. : Психологический институт Российской академии образования, 2021. — С. 43–47. — DOI 10.24412/ci-36466-2021-1-43-47. — EDN YYFQCP.

24. Петровский, А. В. Субъектность / А. В. Петровский // Общая психология : словарь. — М. : Per Se; СПб. : Речь, 2005. — 251 с.

25. Пигров, К. С. Творчество и личный дневник / К. С. Пигров // Вопросы философии. — 2011. — № 2. — С. 34–43. — EDN NDTOYL.

26. Пир, Дж. Существует ли французская постклассическая нарратология? / Дж. Пир // Narratorium. — 2013. — № 1-2 (5-6). — URL: [https://narratorium.ru/главная-страница/архив-номеров/2013-№1-2-5-6/т\(дата обращения: 27.02.2024\)](https://narratorium.ru/главная-страница/архив-номеров/2013-№1-2-5-6/т(дата обращения: 27.02.2024))

27. Рикер, П. История и истина / П. Рикер — СПб. : Алетейя, 2002. — 399 с.

28. Рикер, П. Я-сам как другой / П. Рикер — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2008. — 416 с.

29. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 2023. — 288 с.

30. Сараева, Н. М. Ценностные ориентации студентов с разным уровнем субъектности / Н. М. Сараева, Р. Р. Ишмухаметов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12-2 (50). — С. 166–169. — EDN SXXJDD.

31. Сыромятников, И. В. Психолого-педагогические аспекты реализации деятельностно-ситуативного метода обучения как средства развития профессиональной субъектности / И. В. Сыромятников // Психология обучения. — 2022. — № 2. — С. 56–61. — EDN ZIAGPC.

32. Троцук, И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2004. — № 1 (6–7). — С. 56–74. — EDN HRREDB.

33. Тульчинский, Г. Л. Субъектность как ответственное сознание само-сти: распределенная идентификация и прокреативность автопроекции / Г. Л. Тульчинский // Человек как открытая целостность / Институт философии Российской академии наук. — Новосибирск : Общество с ограниченной ответственностью «Академиздат», 2022. — С. 63–75. — DOI 10.24412/cl-36976-2022-1-63-75. — EDN OUWYSH.

34. Фуко, М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко. — СПб. : Наука. — 2007. — 677 с.

35. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. — М. : Синдбад, 2019. — 512 с.

36. Хенрих, Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности / Д. Хенрих. — М. : Весь Мир, 2018. — 320 с.

37. Хофштадтер, Д. Я — странная петля / Д. Хофштадтер. — М. : АСТ, 2022. — 516 с.

38. Bal, M. Narratology: Introduction to the theory of narrative / M. Bal. — Toronto : University of Toronto Press, 1997. — 164 p.

39 Bickle, J. Empirical evidence for

a narrative concept of self / J. Bickle // Narrative and consciousness: Literature, psychology, and the brain. — New York : Oxford University Press, 2003. — P. 195–208. — DOI <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195140057.003.0010>.

40. Bogdanova, V. Philosophical diary and online marathon as contemporary formats of philosophical practice: Care of the self in the modern world / V. Bogdanova, E. Milyaeva, R. Penner // Haser. — 2021. — No. 12. — P. 47–74. — DOI 10.12795/HASER/2021.112.02. — EDN HZHHLT.

41. Böhme, G. Harari: The New Grand Narrative / G. Böhme // Technology and Language. — 2023. — Vol. 4, No. 2 (11). — P. 44–53. — DOI 10.48417/technol-ang.2023.02.05. — EDN UZCQXB.

42. Carter, B. Animals, agency and resistance / B. Carter, N. Charles // Journal for the Theory of Social Behaviour. — 2013. — Vol. 43, № 3. — P. 322–340. — DOI: 10.1111/jtsb.12019.

43. Côté-Boucher K. Counter-narratives of active aging: Disability, trauma, and joy in the age-friendly city / K. Côté-Boucher, T. Daly, S. Chivers [et al.] // Journal of Aging Studies. — 2024. — Vol. 68. — P. 101205. — DOI 10.1016/j.jaging.2023.101205. — EDN HTZEEU.

44. Couchman, J. J. Self-agency in rhesus monkeys / J. J. Couchman // Biology Letters. — 2011. — Vol. 8, № 1. — P. 39–41. — DOI:10.1098/rsbl.2011.0536.

45. Danto, A. C. Narration and Knowledge / A. C. Danto // Philosophy and Literature. — 1982. — Vol. 6 (1-2). — P. 17–32. — DOI <https://doi.org/10.1353/phl.1982.0023>.

46. Despret, V. The Becomings of Subjectivity in Animal Worlds / V. Despret // Subjectivity. — 2008. — Vol. 23, No. 1. — P. 123–139. — DOI 10.1057/sub.2008.15. — EDN NLHRAR.

47. Glock, H. Animal Agency / H. Glock // A Companion to the Philosophy of Action. — Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. — P. 384–392. — DOI <https://doi.org/10.1002/9781444323528.ch48>.

48. Hawke, L. D. Narrative-based psychotherapies for mood disorders: A scoping review of the literature /

L. D. Hawke, A. T. P. Nguyen, T. Rodak [et al.] // SSM — Mental Health. — 2023. — Vol. 3. — P. 100224. — DOI 10.1016/j.ssmmh.2023.100224. — EDN FKDIDE.

49. Loseke, D. R. The study of identity as cultural, institutional, organizational, and personal narratives: theoretical and empirical integrations / D. R. Loseke // Sociol Quart. — 2007. — Vol. 48. — P. 661–688. — DOI 10.1111/j.1533-8525.2007.00096.x

50. Montaigne M. Essais / M. Montaigne. — Zürich, 1966. — 245 p.

51. Randall, W. L. The stories we are — an essay on self-creation / W. L. Randall. — Canada : University of Toronto Press, 2014. — 400 p. — DOI <https://doi.org/10.3138/9781442617667>.

52. Rappaport, Ju. Community Narratives: Tales of Terror and Joy / Ju. Rappaport // American Journal of Community Psychology. — 2000. — Vol. 28, No. 1. — P. 1–24. — DOI <https://doi.org/10.1023/A:1005161528817>. — EDN AGNLZJ.

53. Todorov, Tz. Grammaire du De-cameron / Tz. Todorov. — Hague-Paris, Mouton : Approaches to Semiotics — 3, 1969. — 100 p.

54. Toynbee, A. J. Mankind and Mother Earth: a narrative history of the world / A. J. Toynbee. — New York : Oxford University Press, 1976. — 670 p.

References

1. Avanesov S. S. (2019) Autobiography as a philosophy of yourself. CHelovek.RU, no.14, pp. 12-23. DOI 10.32691/2410-0935-2019-14-12-23 [in Rus].

2. Asmolov A. G., Rabinovich P. D., Zavedenskii K. E. (2023) The anthropological turn: cultural practices for the development of human complexity. Integraciya obrazovaniya, no. 4 (113), pp. 591-610. DOI 10.15507/1991-9468.113.027.202304.591-610 [in Rus].

3. Asmolov A. G., Shekter E. D., Chernorizov A. M. (2017) Preadaptation to uncertainty as a strategy of developing systems navigation: the ways of evolution. Voprosy psixologii, no. 4, pp. 3-26 [in Rus].

4. Bart R. (1987) Introduction to the

structural analysis of narrative texts. Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX—XX vv.: traktaty, stat'i, esse. Moscow, MGU, pp. 387-422 [in Rus].

5. Bogdanova V. O. (2023) Philosophical understanding of the phenomenon of “subjectivity”. Sotsium i vlast/ Society and Power, no. 3 (97), pp. 7-17. DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-07-17 [in Rus].

6. Brokmejer I., Harre R. (2000) Narrative: The challenges and promises of one alternative paradigm. Voprosy filosofii, no. 3, pp. 29-42 [in Rus].

7. Bruner Dzh. (2005) Life as a narrative. Postneklassicheskaya psihologiya, no. 1(2), pp. 9-29 [in Rus].

8. Brushlinskij A. V. (2022) Selected psychological works. Moscow, Kogito-centr, 2022. 623 p. [in Rus].

9. Bryanceva O. V., Bryancev I. I. (2023) The problem of subjectivity of artificial intelligence in the system of public relations. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya, vol., no. 3. pp. 37-50. DOI 10.22394/1682-2358-2023-3-37-50 [in Rus].

10. Vasilenko A. N. (2011) Confession, sermon and autobiography — the three pillars of the text of St. Augustine. Religiovedenie, no.1, pp. 89-94 [in Rus].

11. Volkova E. N. (2023) The structure of the agency of a modern teacher. Mir psixologii, no. 2 (113), pp. 52-60. DOI 10.51944/20738528_2023_2_52 [in Rus].

12. Garanina R. M. (2020) Comprehensive implementation of pedagogical conditions for the formation of a student's subjective position in the space of independent work. Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psixologiya, vol. 9, no. 2(31), pp. 45-51. DOI 10.26140/anip-2020-0902-0009 [in Rus].

13. Damasio A. (2018) Self comes to mind. Constructing the conscious brain. Moscow, Kar`era Press, 384 p. [in Rus].

14. Dennet D. K. (2003) Why everyone is a novelist. Voprosy` filosofii, no. 2, pp. 121-130 [in Rus].

15. Dzhejmison F. (2019) Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Moscow, Izdatel`stvo Instituta Gajdara, 799 p. [in Rus].

16. Dzherdzhen K. Dzh. (1995) The Movement of Social Constructionism in modern psychology. *Social'naya psixologiya. Samorefleksiya marginal'nosti*. Moscow, Inion ran, 1995. pp. 51-73 [in Rus].
17. Zhozhikashvili S. V. (2003) Diary. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij*. Moscow, Intelvak, pp. 232 [in Rus].
18. Kariev A. D., Bajnazarova T. B., Abykanova B. T. (2020) The development of the subject of students with the application of interactive educational technologies in the university. *PEM Psychology. Educology. Medicine*, no. 4, pp. 104-118 [in Rus].
19. Kafka F. (2016) Diaries. Moscow, Eksmo-Press, 96 p. [in Rus].
20. Kemper D. (2008) Principles of autobiographical narration organization. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, no. 9, pp. 11-22 [in Rus].
21. Kolysheva O. N. (2020) The Narrative as a Mnemonic Text (Based on "Children of War" Narratives). *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, Vol. 11, no. 2, pp. 398-411. DOI 10.22363/2313-2299-2020-11-2-398-411 [in Rus].
22. Leont'ev A. N. (1975) Activity, consciousness, personality. Moscow, Politizdat, 304 p. [in Rus].
23. Osnickij A. K. (2021) Self-regulation in different types of human activity. *Psixologiya samoregulyacii v kontekste aktual'ny'x zadach obrazovaniya: Materialy nauchnoj konferencii*. Moscow, Psixologicheskij institut Rossijskoj akademii obrazovaniya, pp. 43-47. DOI 10.24412/cl-36466-2021-1-43-47 [in Rus].
24. Petrovskij A. V. (2005) Subjectness. *Obshchaya psihologiya: slovar'*. Moscow, Per Se; Saint Petersburg, Rech', 251 p. [in Rus].
25. Pigrov K. S. (2011) Creativity and personal diary. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 34-43 [in Rus].
26. Pir Dzh. (2013) Is there a French post-classical narratology? *Narratorium*, no. 1-2 (5-6) [in Rus].
27. Riker P. (2002) History and truth. Saint Petersburg, Aletejya, 399 p. [in Rus].
28. Riker P. (2008) I am myself as another. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 416 p. [in Rus].
29. Rubinshtejn S. L. (2023) Being and consciousness. Saint Petersburg, Piter, 288 p. [in Rus].
30. Saraeva N. M., Ishmukametov R. R. (2014) Value orientations of students with different levels of subjectness. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12-2 (50), pp. 166-169. [in Rus].
31. Syromyatnikov I. V. (2022) Psychological and pedagogical aspects of the implementation of the activity-situational method of teaching as a means of developing professional subjectivity. *Psixologiya obucheniya*, no. 2, pp. 56-61. [in Rus].
32. Trocuk I. V. (2004) Narrative as an interdisciplinary methodological construct of contemporary social science. *Vestnik RUDN*, no.1(6), pp. 41-53. [in Rus].
33. Tul'chinskij G.L. (2022) Subjectness as a Responsible Consciousness of Selfhood: Distributed Identification and Procreativity of Autoprojection. *Chelovek kak otkry'taya celostnost'*. Novosibirsk, Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Akademizdat", pp. 63-75. DOI 10.24412/cl-36976-2022-1-63-75 [in Rus].
34. Fuko M. (2007) Hermeneutics of the subject: A course of lectures delivered at the College de France in the 1981-1982 academic year. Saint Petersburg, Nauka, 677 p. [in Rus].
35. Xarari Yu. N. (2019) Sapiens. A brief history of mankind. Moscow, Sindbad, 512 p. [in Rus].
36. Xenrix D. (2018) Thinking and self-existence. Readings on subjectivity. Moscow, Ves' Mir, 320 p. [in Rus].
37. Xofshtadter D. (2022) I am a Strange Loop. Moscow: AST, 516 p. [in Rus].
38. Bal M. (1997) Narratology: Introduction to the theory of narrative. Toronto, University of Toronto Press, 164 p.
39. Bickle J. (2003) Empirical

evidence for a narrative concept of self. *Narrative and consciousness: Literature, psychology, and the brain*. New York, Oxford University Press, pp. 195-208. DOI <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195140057.003.0010>.

40. Bogdanova V., Milyaeva E., Penner R. (2021) Philosophical diary and online marathon as contemporary formats of philosophical practice: care of the self in the modern world. *HASER*, no. 12, pp. 47-74. DOI 10.12795/HASER/2021.112.02.

41. Böhme G. (2023) Harari: The New Grand Narrative. *Technology and Language*, Vol. 4, no. 2 (11), pp. 44-53. DOI 10.48417/technolang.2023.02.05.

42. Carter B. (2013) Animals, agency and resistance. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 43, no. 3, pp. 322-340. DOI: 10.1111/jtsb.12019.

43. Côté-Boucher K., Daly T., Chivers S., Braedley S., Hillier S. (2024) Counter-narratives of active aging: Disability, trauma, and joy in the age-friendly city. *Journal of Aging Studies*, vol. 68. DOI 10.1016/j.jaging.2023.101205.

44. Couchman J. J. (2011) Self-agency in rhesus monkeys. *Biology Letters*, vol. 8, no.1, pp. 39-41. DOI 10.1098/rsbl.2011.0536.

45. Danto A.C. (1982) Narration and Knowledge. *Philosophy and Literature*, vol. 6 (1-2), pp. 17-32. DOI <https://doi.org/10.1353/phl.1982.0023>.

46. Despret V. (2008) The becomings of subjectivity in animal worlds. *Subjectivity*,

vol. 23, no. 1, pp. 123-139. DOI 10.1057/sub.2008.15 [in Eng].

47. Glock H. (2010) *Animal Agency. A Companion to the Philosophy of Action*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, pp. 384-392. DOI <https://doi.org/10.1002/9781444323528.ch48>.

48. Hawke L. D., Nguyen A. T. P., Rodak T., Yanos P. T., Castle D. J. (2023) Narrative-based psychotherapies for mood disorders: A scoping review of the literature. *SSM — Mental Health*, vol. 3, p. 100224. DOI 10.1016/j.ssmmh.2023.100224.

49. Loseke D. R. (2007) The study of identity as cultural, institutional, organizational, and personal narratives: theoretical and empirical integrations. *Sociol Quart*, vol. 48, pp. 661-688. DOI 10.1111/j.1533-8525.2007.00096.x.

50. Montaigne M. (1966) *Essais*. Zürich, 245 p. [in French].

51. Randall W. L. (2014) *The stories we are — an essay on self-creation*. Canada, University of Toronto Press, 400 p. DOI <https://doi.org/10.3138/9781442617667>.

52. Rappaport J. (2000) Community Narratives: Tales of Terror and Joy. *American Journal of Community Psychology*, vol. 28, pp. 1-24. DOI <https://doi.org/10.1023/A:1005161528817>.

53. Todorov Tz. (1969) *Grammaire du Decameron*. Hague-Paris, Mouton, *Approaches to Semiotics* — 3, 100 p.

54. Toynbee A. J. (1976) *Mankind and Mother Earth: a narrative history of the world*. New York, Oxford University Press, 670 p.

For citing: Bogdanova V. O. (2024)

Narrative practices as a way
to develop subjectivity.

Sotsium i vlast/Society and Power,
no. 3 (101), pp. 24–44.

DOI 10.22394/1996-0522-2024-3-24-44 [in Rus].

UDC 316.77

EDN NUXERV

DOI 10.22394/1996-0522-2024-3-24-44

NARRATIVE PRACTICES AS A WAY TO DEVELOP SUBJECTIVITY

Veronika O. Bogdanova^{1, 2},

¹ South-Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,

² South Ural State University
(National Research University),
Associate Professor of the Department
of Philosophy,
Cand.Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia.
ORCID 0000-0002-6342-8050
E-mail:verovictory@mail.ru

Abstract

Introduction. In foreign and domestic studies there is a steady scientific and practical interest in studying subjectivity, but methods and techniques that promote its development at the value and meaning level are not sufficiently presented. The study considers narrative practices that are effective ways to develop subjectivity. Narrative practices are aimed at making sense of past experience, developing the ability to goal-setting and creating a positive mood for the future.

The purpose of the study is to reveal the potential of using narrative practices for developing subjectivity.

Methods. The author uses comparative analysis of philosophical and psychological-pedagogical literature, generalization and systematization of the results of domestic and foreign studies.

Scientific novelty of the study. The paper expands the understanding of narrative practices. The multidirectional influence of narrative practices on the development of human subjectivity is shown.

Results. Subjectivity is understood as the property of a subject to be an agent of action. Subjectivity serves as a condition for self-realization of personality, determination of development trajectory, planning of life activity in accordance with the chosen system of values. The development of subjectivity is possible through using narrative practices. Narrative practices are understood as anthropocentric approaches, which are a set of techniques aimed at comprehending and interpreting the structure, content and meaning of life stories.

Conclusions. Narrative practices have a positive impact on the development of subjectivity, as they form a conscious and active attitude of a person to the world and himself. Narrative practices can be diary entries, autobiographies, narratives with elements of confession, the method of deconstruction of dominant discourses. They allow organizing life experience, defining a system of values, setting goals, choosing ways of their implementation, feeling the author of one's own life.

Keywords:

subjectivity,
narrative,
narrative practices,
reflexion,
freedom,
responsibility

Received: 13.04.2024

Accepted: 08.08.2024

Date of publication: 30.09.2024

Copyright: © Bogdanova V. O. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.